

Ирина Верехтина

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Солнце Эльгомайзы

Ирина Верехтина
Солнце Эльгомайзы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Верехтина И.

Солнце Эльгомайзы / И. Верехтина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Конец третьего тысячелетия. Дальний космос, звёздные экспедиции, открытие новых миров. А люди остались людьми: одними движет жажда наживы, другими жажда приключений, третьи хотят испытать невозможное - всё равно какой ценой. Четырнадцать членам экипажа предстоят четыре месяца полёта к Проциону Эльгомайза в созвездии Малого Пса. В ограниченном пространстве корабля это станет испытанием скорее психологического плана, чем космического. Каждый получит то, о чём мечтал. Но мечты сбудутся не так, как им хотелось. Иллюстрация взята с сайта бесплатных обоев на рабочий стол [pastol](#) Содержит нецензурную брань.

© Верехтина И., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Словарь используемых терминов и световых величин	5
Часть 1. Уравнение со всеми неизвестными	7
Капитан	7
Экипаж	9
Корабль	11
Часть 2. Флэш крэш	13
Лишние члены экипажа	13
Остров	15
Когнитивный диссонанс	16
Флэш крах	17
Часть 3. В ожидании неприятностей	19
Бортовой дневник	19
Скелеты в шкафу. Андрей Балабанов	21
В ожидании неприятностей	22
Мишенька	24
Гражданин США	25
Часть 4. Изгой	26
Язычники	26
Не надо так кричать	27
Скелеты в шкафу. Катеринка	28
Парад планет	30
Девушка-ребёнок	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Словарь используемых терминов и световых величин

Экзопланета – (от греч. экзо = вне, снаружи) – планета, находящаяся вне Солнечной системы. Общее количество экзопланет в галактике Млечный Путь оценивается не менее чем в сто миллиардов.

Обитаемая зона, или зона жизни, это условная область звезды, определённая из расчёта, что условия на поверхности находящихся в ней планет будут близкими к земным и будут обеспечивать существование воды в жидкой фазе..

Парсек (космическая миля) = 3, 2616 светового года = 30,8568 триллионов километров. Световой год – расстояние, которое за год проходят фотоны света (частицы, не имеющие массы) в космическом вакууме. Скорость света приблизительно триста тысяч километров в секунду.

Гравитон – квантовая частица, не имеющая массы. Гравитонные потоки, иными словами волны пространства-времени, замедляют время на околосветовых скоростях.

Психосоматика – объясняет взаимосвязь эмоционального опыта (невозможность проявить гнев, незащитность в чувстве страха, запрет на проявление чувств) и физического самочувствия (болезни).

Когнитивность – проявление умственной деятельности, познание.

Я-концепция – совокупность наших представлений о себе. Образ «Я» имеет три компонента:

когнитивный компонент: социально-желательный образ, который мы презентуем в окружающую среду, например: «Я общительный, энергичный, уверенный в себе»;

эмоциональный компонент: самооценка. Себя мы оцениваем во время позитива, других – не столь хорошо: не мешало бы им стать умнее, добрее, профессиональнее;

поведенческий компонент: наши поступки, т.е. жизненная позиция.

Флэш-крах (Flash crash) – это когда рынок, будь то акции, облигации или товары, падает в течение нескольких минут, а затем подбирается.

Стандарт личности, авторский термин – аналог современного паспорта, медицинской карты и трудовой книжки. Перечисленные документы были отменены в конце третьего тысячелетия. СЛ содержит физиологические и психологические характеристики владельца, класс профессионального уровня, сведения о понижении гражданского статуса, с указанием причин, и о его восстановлении. Записи вносятся в течение всей жизни. Сведения о семейном положении и о месте проживания в СЛ не вносятся.

Ксенозоология, авторский термин (от греч. збо = животное и ксэнос = гость, чужой, посторонний) – наука о внеземной зоологии.

Вместо предисловия. Конец третьего тысячелетия

В феврале 2016 года научный мир взорвался новостью об открытии волн пространства-времени. Элементарную частицу, не имеющую массы и способную переносить гравитационное взаимодействие без использования электрического заряда, назвали гравитоном. Через семь лет частица кванта гравитационного поля была зарегистрирована. Однако же, теория квантовой гравитации, где поле квантуется и может влиять на время, не могла быть применена на практике. На малых скоростях эффект замедления времени ничтожно слабый, а при движении на околосветовых скоростях масса тела растёт до бесконечности, изменяя его молекулярную структуру. А значит, обладающий массой объект невозможно разогнать до скорости света.

Так считалось до 2931 года, до открытия Вернигорова, которому удалось извлечь из физического тела энергию покоя, сохранив при этом его массу. Управлять гравиполем стало так же просто, как играть в бадминтон. Феномен Вернигорова позволил снять с полюсов ледяные «шапки», грозящие планете новым всемирным потопом и, как следствие, длительным оле-

денением. Образовавшиеся триллионы мегатонн чистой воды, удерживаемые магнитными полями, удалось кристаллизовать и вывести на орбиту. У Земли появился неограниченный запас воды, а у Луны появилась подружка. Второй спутник Земли назвали Гиачинта (от латинского *giacinto* – голубой). Когда оба спутника всходили, зрелище приковывало взор: догоняя лунный диск, в небе плыл полупрозрачный светящийся шар, переливаясь оттенками голубого и аквамаринового.

После открытия Вернигорова стали возможными субсветовые скорости и как следствие – экспедиции в дальний космос. К концу третьего тысячелетия было подтверждено существование 4824 экзопланет (от греческого *эксо* = вне) в 3717 звёздных системах. В список ближайших к Земле солнцеподобных звёзд, в обитаемой зоне которых могут находиться планеты, сравнимые с Землёй, вошли альфа Центавра, Сириус и Процион, расположенные в радиусе от 3 до 5 парсек, тройная система [40 Эридана](#) (5,04 парсек) и звезда [Альтаир](#), арабское название Бенетнаш (5,14 парсек, или 16,8 световых лет).

Гигантское скопление галактик Млечного Пути даже при современных сверхсветовых скоростях оставалось недоступным: людям пришлось бы провести годы в ограниченном пространстве звездолёта. Вариантов было два: либо длительный, в течение многих лет, анабиоз, и как следствие необратимые изменения в мышечных тканях, либо столь же длительное нахождение в ограниченном социальном континууме, и как следствие – изменённая психика. Диагноз, с которым путь к звёздам закрыт навсегда.

Но людям свойственно мечтать. И 288 световых лет до последней звезды в ручке Ковша Большой Медведицы когда-нибудь станут преодолимым расстоянием. Людям свойственно верить в себя. И делать мечты реальностью.

Часть 1. Уравнение со всеми неизвестными

Капитан

Андрей Балабанов, капитан звездолёта «Сайпан», хмуря брови, изучал список экипажа, отпечатанный издевательским старославянским шрифтом на первой странице бортового дневника – по мнению Андрея, тоже издевательского: сработанного под старину, в кожаной обложке с металлическими уголками. Кожа была настоящей, а уголки серебряными. Дмитрий Волокушин, единоличный владелец звездолёта, с удовольствием наблюдал, как глаза капитана потемнели от ярости: шрифт был стилизованный, с ятями, ерами, юсами и прочей ижицей. Не продаться!

Непременным условием участия Балабанова в экспедиции на Процион Эльгомайзу было – вести бортовой дневник, в котором фиксировались ситуации, отношения, шутки, выходы и выверты членов экипажа – иными словами, поведенческий компонент Я-концепции. Поведенческая компонента, как выразился Волокушин. Разница заключалась в том, что компонент это составная часть чего-либо, а компонента – составляющая часть. Впрочем, Андрей не видел особой разницы. И Волокушин ему объяснил.

Компонент (книжный общеупотребительный термин) это, так сказать, физическая упаковка самостоятельных логических элементов. То есть состав.

Тогда как компонента – термин сугубо физический. Составляющая компонента, например, экологической системы, это – опад листьев на поверхности лесной почвы (сохраняются два-три года), ствол упавшего дерева (сохраняется до десяти лет), гумусный слой почвы (сохраняется сотни лет), торф на болоте (сохраняется тысячи лет). Свойства системы напрямую зависят от взаимодействия между составляющими.

– Теперь понимаешь разницу? Вот ты космолётчик, можно сказать, элита, а не знаешь ни фиги. Учат вас, учат... пятнадцать лет учат, и всё равно дураки! – приложил Волокушин оторопевшего Андрея. Откуда у доктора психологических наук такие знания об экологии? Он что, действительно гений? Балабанов воззрился на друга, как поп на икону.

– Гений я, гений, не сомневайся, – заверил его Волокушин. – А ты как был штурманом, так им и останешься.

Волокушин словно читал его мысли. Стать космонавигатором Андрею хотелось лет с пяти, а звездоплавание означало для него единственно возможную форму существования.

– Чему ты улыбаешься? Радуетесь, что дурак? – Димыч перешёл границу. Сейчас отправим его обратно, с ускорением mg ...

– Сам ты дурак. Дай тебе кораблём управлять, угробишь ведь. Потому что не знаешь ни фиги, только в чужих мозгах ковыряться умеешь, – парировал Андрей.

– Сам смотри не угробь... – проворчал представитель журнала Forbes, которого никто не посмел бы назвать в глаза дураком, но он был счастлив услышать «правду» от друга. Единственного друга, с которым сейчас расставался на десять земных лет, и кто знает, увидятся ли они...

Дмитрий Волокушин сделал всё, чтобы – увиделись. Чтобы команда «Сайпана», составленная им вопреки инструкциям и правилам, вернулась на Землю. Вернулась людьми, а не человеконенавистниками, которым предстоял курс реабилитации в клинике.

Хозяин корабля упёрто настаивал на рукописном варианте дневника. Андрей снял колпачок с раритетной гелевой ручки, которыми не пишут уже лет двести, перевернул её шариком вниз и, обхватив большим и указательным пальцами, плотно прижал к бумаге. Воспитанников космошколы учили многому, что изжило себя на Земле, но могло пригодиться в чужих мирах.

Дневник капитану полагалось вести параллельно с компьютерным бортовым журналом, где отмечались условные координаты «Сайпана» (условные потому, что при скорости, в тридцать раз превышающей световую, определить точные координаты невозможно), причины, повлёкшие изменение траектории полёта, аварийные ситуации и иные «сопутствующие аксессуары», как выразился далёкий от космоса Волокушин, а Андрей не посмел возразить.

Потому что именно Волокушин вытащил его из депрессии после экспедиции в систему 40 Эридана, из которого Андрей вернулся седым. Проведя полгода в реабилитационной клинике «За гранью», он заявил медкомиссии, что больше никогда и никуда не полетит. К такому же выводу – правда, в несколько ином ракурсе – пришёл экипаж звездолёта «Бенетнаш» класса дальний грузо-пассажирский, дружно заявивший, что с Олегом Бабаниным (тогда его звали Олегом) никогда и никуда не полетит.

Через год Олега Бабанина, космолётчика класса «А», больше не существовало: для всех он навсегда остался в клинике, с неизлечимым диагнозом, для Волокушина – главврача и владельца клиники – он стал Андреем Балабановым. С новым Стандартом Личности, дипломом Космоакадемии и водительскими правами космолётчика класса «G». А ещё они стали друзьями. Без официоза господин Волокушин называл господина Балабанова Андрюхой, а Андрей в зависимости от настроения и ситуации именовал его Димкой, Димоном (с ударением на первом слоге) и Димычем. И через два года согласился на эксперимент: полугодовой полёт без анабиозных камер.

Эти два года он водил солнечники – грузовые и экскурсионные транспортники, курсировавшие в пределах Солнечной системы. Слово «солнечник» навязчиво напоминало рыбу-камбалу, лениво шевелящую плавниками. Андрей ненавидел себя – за класс «G». За тупорылые неповоротливые солнечники. За пассажиров – по мнению Андрея, таких же неповоротливых и тупорылых. За то, что не смог отказаться от профессии. За то, что капитаном ему больше не быть: космические новости распространяются с космической скоростью, и о решении, принятом Олегом Бабаниным по праву капитанского единоначалия на Инте Игрек, солнцеподобной звезде звёздной системы 40 Эридана, узнала вся планета.

Правда была страшной, поступок капитана – бесчеловечным, презрение экипажа – заслуженным. С ним никто больше не полетит, никогда.

Экипаж

В бортовом дневнике была заполнена одна страница. Остальные предстоит написать Андрею Балабанову, капитану звездолёта «Сайпан» класса экстра-универсал, цель полёта – двойная звезда Процион Эльгомайза, созвездие Малого Пса, дальность полёта 3,5 парсек, длительность полёта пять плюс пять земных лет (при скорости, равной тридцати световых, это шесть плюс шесть месяцев относительного времени). Страхование жизни не предусмотрено. Анабиоз не предусмотрен. Вознаграждение по прибытии на землю (оплата после доставки, пошутил Волокушин, и Андрея передёрнуло. Шутка была циничной, ведь речь шла о людях. Живых людях, которые для Волокушина были...

Додумать мысль до конца было слишком больно, и Андрей не стал её додумывать. Через пять месяцев его мнение о «живых людях» и о «садисте-экспериментаторе» Волокушине – мнение резко изменится. А пока список экипажа звучал «обещающе»:

1. Капитан Андрей Балабанов, класс «G».
2. Помощник капитана, штурман-навигатор Бернард Барнс, класс «A».
3. Штурман-пилот Пётр Коржик, класс «B».
4. Штурман-навигатор Лех Золтовски, класс «A».
5. Космомеханик Семён Рабинович, класс «A».
6. Биолог Юозас Киндзюлис, класс «B».
7. Астрофизик Надежда Кислова, класс «A».
8. Оператор систем защиты Риото Ита, класс «A».
9. Оператор систем защиты Бэрген Тимирдзев, класс «A».
10. Врач широкого профиля Джеймс Кендал, класс «A».
11. Оператор тренажёрных машин Катерина Ветинская, класс «A».
12. Оператор систем жизнеобеспечения Кэли Конорс.
13. Оператор систем жизнеобеспечения Леона Лин.
14. Специалист сопровождения Михаил Перевозчиков.

Перед глазами вертелась пёстрая разноязычная карусель: англичанин, белорус, поляк, еврей, литовец, японец, якут, афроамериканец, болгарка, или чёрт разберёт, кто она, две англичанки или американки, чёрт их разберёт, и двое русских.

Волокушина хотелось убить, вот прямо сейчас. Последнего, четырнадцатого члена экипажа хотелось вычеркнуть из списка – вот прямо сейчас! И не впускать на корабль, даже если он будет рыдать и умолять. Какой, к чертям, сопровождающий? С сопровождающими летают инвалиды первой группы.

Какие, к дьяволу, системы жизнеобеспечения? Жизнеобеспечением (говоря человеческим языком, уборкой помещений и приготовлением пищи) занимались те, чья основная работа начнётся по прибытии на экзопланету. И уж тем более не требовали вмешательства оператора тренажёры. Железо тягать это вам не с лазертагами управляться. А женщина на корабле не сулит ничего хорошего, это ещё из прошлого тысячелетия известно.

«Твою ж мать!» – не выдержав, ругнулся Андрей, разглядев буквенно-цифровые обозначения у номеров 12 и 13. «Американки» оказались андроморфами, или биолюдьми. То есть, почти людьми. Их кожа мгновенно восстанавливалась после ожогов и не вступала во взаимодействие с едкими веществами. Комплексные соединения тантала и рутения в составе мышечной ткани выдерживали нечеловеческие нагрузки. Андроморфы не чувствовали страха, не проявляли агрессии, не выходили из себя, не испытывали любви. Не шутили и не рассказывали анекдотов. Не были способны к воспроизводству. В остальном они были людьми: нуждались в пище как в источнике энергии, обладали вкусовыми рецепторами, нуждались в сне для восстановления физических сил, могли испытывать привязанность, эмпатию, но никогда

– ненависть. Их создатели называли биолодней величайшим достижением человечества. Олег Бабанин, в миру Андрей Балабанов, называл их преступлением против человечества.

Корабль

Андрей рассматривал схему отсеков и переходов корабля (звездолёты по старой традиции называли кораблями, а космолётчиков звездоплывателями) и снова хмурил брови. Кают-компания на схеме именовалась кают-гостиной. Это можно было пережить. А вот то, чего пережить нельзя, но придётся, на схеме выглядело как неудачная шутка. «Шутки», однако же, занимали все внутренние помещения корабля. Андрей потёр глаза, отказываясь верить увиденному: каюты экипажа повышенной комфортности, кают-бильярдная... кают-кафе?? На звездолёте класса экстра-универсал?! А казино и варьете здесь часом нет?

Варьете на «Сайпане» отсутствовало. А жаль. Димка не додумался, дебилу ума не хватило, подумал Андрей о докторе психологических наук. Зато «дебил» додумался о казино, которое на корабле присутствовало – в виде зала игровых автоматов. Ещё на «Сайпкане» имелась библиотека, панорамный кинозал, тренажёрный зал-стадион, оранжерея на шесть солнечных ламп... Опаньки! Мы там что, по ходу дела огурчики-помидорчики выращивать будем? А что так скромно? Можно и арбузы. Гидропоника всё стерпит. А что ещё делать экипажу класса «А» в дальнем космосе? Только петрушку выращивать.

Да ёрш твою... через семь галактик в мёртвую звезду! Анабиозного отсека на корабле не было (!). Зато был... бассейн. Что себе позволяет чёртов Волокушин? Он что, думает, если миллиардер, так ему всё можно? Две анабиозных камеры всё же имелись – по выражению Волокушина, на всякий пожарный случай. Так что пять месяцев перелёта (а если «повезёт», полгода), плюс столько же обратно – опять-таки, если повезёт — они проведут в приятном обществе друг друга. Говоря языком математики, в ограниченном множестве. Очень сильно ограниченном... Так что без тренажёров не обойтись. Вот интересно, что будет делать операторша? Эта, как её... Катерина. Пульс мужикам измерять?

Но самое «интересное» Андрей проглядел. А увидев, не поверил своим глазам: напротив его фамилии в списке значился класс «G». Андрей провёл по глазам согнутыми указательными пальцами и прочитал ещё раз. Этого не может быть. Ему показалось.

Не показалось. Андрей Балабанов, капитан, класс «G».

Андрей остолбенело перечитал список в третий раз. Согласно действующим Правилам Общепланетной Федерации Космоплавания, капитан звёздолёта-дальника должен иметь класс «Альфа». «Бэту» присваивали за систематические нарушения инструкции (возврат нарушителю класса «А» маячил за горами). «Гамма» была для космолётчика чем-то вроде космической инвалидности с правом пилотирования солнечных тупорылых транспортных барж, курсирующих в пределах Солнечной системы и ни парсеком дальше. Хуже была только «Дельта», которую присваивали уж не знаю за какие грехи... Но и класс «D», который штурманы прозвали дэшкой, получить было невероятно сложно.

Волокушин назвал его участие в экспедиции завершающей стадией лечения: самым страшным для звездолётчика было неверие в себя, а после Инты Игрек Андрей в себя не верил. Потому и – класс «G». И экипаж, с которым надо справиться, удержать своё лидерство. Иначе он навсегда останется пациентом клиники «За гранью».

Клиника предназначалась для звездолётчиков с диагнозом «неудачно слетали» и называлась реабилитационной, а по сути была психиатрической. Остров сумасшедших. Надо быть идиотом, чтобы так назвать звездолёт.

Впрочем, у идиота было имя. Дмитрий Волокушин, долларовый мультимиллиардер, владелец контрольного пакета акций корпорации «Flying Star» (англ.: летящая звезда), прославившийся тем, что расшифровал аббревиатуру ПОФК (нормативный справочник «Правила Общепланетной Федерации Космоплавания») как «пофиг».

Экспедиция на Прочион, двойную звезду в созвездии Малого Пса, стала для Андрея подарком, от которого невозможно отказаться. Должность капитана. Вознаграждение в астрономической сумме с семью нулями. И ещё столько же при благоприятном исходе экспедиции. Интересно, что же такое узнал Диман об этой планетке, что раскошелился, профинансировав экспедицию из личного фонда... После того, как её отказалась финансировать Космофедерация. О причинах Андрей не знал. Зато он знал Димку Волокушина, который чуял прибыль за три космические мили, как зверь чует добычу.

Говоря о благоприятном исходе, Волокушин не имел в виду благополучный. Благополучный исход – это если они все вернутся живыми, благоприятный – если, улетаая с пустыми руками, они вернутся с полными. Волокушин так и сказал. Ему было наплевать на экипаж, наплевать на их жизни. Его интересовала только прибыль.

Потому он и вспомнил об Андрее.

На предложение возглавить экспедицию Балабанов согласился не раздумывая. Для звездолётчика класса «А» Солнечная система – это как прогулочный дворик в тюрьме, где на звезды можно только смотреть. И никогда, ни при каких обстоятельствах, даже если тюремщики ослабят контроль – не подняться к ним.

Ему, добровольному узнику, предлагали свободу.

Часть 2. Флэш крэш

Лишние члены экипажа

Из тринадцати членов экипажа дипломы космошколы были у шестерых; опыт полётов имели №5, №8 и №9 (космомеханик и боевые операторы); №2 и №4 (штурманы-навигаторы) «летали» только на тренажёрном полигоне. То есть не летали вообще. №3 с уровнем мастерства «В» не соответствовал требованиям, предъявляемым к экипажам дальников класса ЭУ (экстра-универсал). Впрочем, №3 не навигатор, просто пилот. Зачем на корабле класса ЭУ «просто пилот», Андрей не понимал.

№12 и №13 комментариев не требовали. Андроморфы без возражений и нытья будут выполнять утомительную монотонную работу в оранжерейном отсеке, бессменно стоять у плиты в кают-камбузе, кормить экипаж завтраками, обедами и ужинами, чистить, мыть и убирать, не жалуясь на усталость. Они устают, но не так, как люди, и выдерживают длительные физические нагрузки. Кэли и Леона (Димка мог бы выбрать био с менее экзотической внешностью) будут незаменимы при погрузке образцов грунта и всякой мелкотравчатой экзохрени, которую биолог натаскает на корабль. А №10 пригодится, если экзохрень вздумает захворать. Корабельный врач усыпит её гипносеансом. Андрей представил, как Кендал поёт инопланетному суслику ритуальную африканскую колыбельную, и нервно рассмеялся.

Оставшиеся четверо были на «Сайпане» лишними. Подумав, Андрей добавил к ним №3 (на хрена ему пилот класса «В»?). Потом вычеркнул биолога. Без биолога не обойтись. Зачем тогда вообще лететь? Цветочки собирать и закатами любоваться?

Исключая штурманов, в обязанности которых входило, при скорости в тридцать раз превышающей световую, не убить корабль в метеоритных потоках, не загнать в капкан чудовищного притяжения коричневых карликов и не расплавить в миллионноградусном пламени сверхновых, – все на корабле имели вторую специальность. Кроме студента Перевозчикова, который не имел даже первой.

Эта самая вторая специальность, отпечатанная мелкими буквами после каждого имени, заставила Андрея сжать кулаки.

Девочка-физкультурница (на кой чёрт мне такие специалисты?) была дипломированным детским психологом, врач-африканец владел техникой вуду (это, наверное, ошибка, следовало написать «техникой гипноза»), механик окончил Литературный институт и штурманские курсы при Космоакадемии (наш пострел везде успел, вот скажите, на кой чёрт мне на дальнике литератор?), астрофизик имела профессорское звание по ксенозоологии, а биолог... Биолог был ещё и кинологом. Зоопарк, твою ж галактику!

Андрею стало физически плохо. Кто в этом детском саду будет аниматором? Может, Миша Перевозчиков, девятнадцатилетний балбес из ВГИКа? Только ВГИКа нам и не хватало для полного боекомплекта.

Кстати, что там у нас с боекомплектом?

Как значилось в Стандартах Личности, оба оператора мобильных систем защиты побывали на планетах повышенной опасности класса «икс» с агрессивной экзореальностью. Оба сумели вернуться оттуда живыми и вытащить экипаж. А значит, были профессиональными убийцами.

Всё. Можно смело возвращаться в клинику. На завтрак его пригласят...

...Но есть же Инструкция! Согласно которой экипаж звездолёта экстра-универсал состоял из девяти специалистов класса «А», боевое оружие на борту: аннигиляторы, лазертаги, магниэны, вакуум-зонаторы и ката-ускорители. Последние запрещены GAMAS (General

Atomics material assay system, система анализа материалов компании «Дженерал Атомикс») к применению в земных условиях, т.к. могут уничтожить жизнь на планете.

Формирование экипажей кораблей-дальников являлось исключительным правом психологов. Экипаж «Сайпана», наплевав на инструкции, формировал его владелец – практикующий врач и основатель частной клиники, о которой ходили страшные слухи: Волокушин проводил над людьми чудовищные эксперименты, редактируя человеческий геном, разрывая цепи в митохондриальной ДНК и в конечном итоге изменяя генотип.

Андрей знал, что это неправда. Но если бы у него спросили, что с ним делали в клинике, он улыбнулся бы и пожал плечами: «Не помню». Память у него милосердно забрали, чтобы не мучила и не убивала воспоминаниями. И копошились в ней, снимая гипносеансами пласт за пластом в поисках главного. А когда наконец нашли это главное, дело осталось за малым: подобрать методику лечения и вытаскивать Андрея (тогда ещё Олега) из ада, в который он сам себя загнал.

Вытащили. Добились невозможного: Андрей захотел жить, захотел вернуться в профессию.

Волокушин лечил его «в кредит». Выплатит, когда вернётся из экспедиции. В том что вернётся, Волокушин не сомневался, поскольку ни черта не смыслил в дальних космоэкспедициях. За него сомневался Андрей.

Им предстоит провести в ограниченном пространстве корабля пять или шесть месяцев, без анабиозного спасительного беспомыслия. И столько же обратно. С Эльгомайзы они вернутся не в лучшем виде. Если вообще вернутся.

Последнюю мысль Андрей решительно отверг, и она, потоптавшись в голове, с сожалением отступила.

Список экипажа впечатлял. А после короткой лекции, прочитанной Андреем Волокушиным и подкреплённой Стандартами Личности участников экспедиции, стал впечатлять ещё больше. Если бы подбор команды доверили Андрее, он никогда бы не соединил этих людей в полностью изолированном пространстве корабля класса экстра-универсал. Штурманы и операторы систем защиты имели за плечами пятнадцать лет космошколы, о которой у Андрея было нелестное мнение. Хотя для всех они были сверхлюдьми, людьми будущего, с физическими и психоэмоциональными качествами на грани возможного.

Андрей невесело усмехнулся. Клиника профессора Волокушина, где «люди будущего» проходили обязательную после возвращения со звёзд реабилитацию, не зря называлась «За гранью». Восстановительный период длился как правило полгода. Но были и исключения из правил...

«Исключения» оставались в клинике очень надолго и не были уже «людьми будущего». Дальний космос с его чужими галактиками и невозможными мирами был закрыт для них навсегда. Их сознание следовало изменить, приспособив его для обычной человеческой жизни, которой они были лишены с детства и теперь не могли принять. А надо было, чтобы – смогли. Этим и занимался Дмитрий Волокушин сотоварищи.

Для журналистов клиника представляла лакомый кусок. О ней никто ничего не знал, кроме одного: побывав «за гранью», люди становились другими.

Журналистская пронырливая братия не теряла надежды. Но въезд на остров был запрещён даже для родственников пациентов, а добиться от персонала клиники вразумительных ответов было не сложнее, чем выжать воду из кирпича.

Остров

Марианские острова – райский уголок в западной части Тихого океана. Лучшего места для психоневрологической клиники не найти. Остров Сайпан протяжённостью двадцать три километра и шириной десять километров, с его изумительно красивыми видами, прозрачными лагунами и огненными закатами – остров Волокушин выкупил целиком, заплатив правительству Содружества Марианских Островов сумму с десятью нулями. И основал клинику «За границу», название которой говорило само за себя. Лечение стоило космически дорого, а клиника предназначалась для звездолётчиков, вернувшихся со звёзд с изменённой Я-концепцией. То есть, с хорошим прибабахом.

Андрей мог бы доказать, что они не больны. Объяснить, что после возвращения со звёзд мозг нуждался в продолжительном отдыхе. Но информация о звёздных экспедициях не подлежала обсуждению. А неразглашение методов лечения было обозначено в договоре с клиникой.

Находясь под надзором медперсонала и проходя интенсивный курс лечения, пациенты ощущали себя кем угодно, но только не пациентами. В клинике они находились лишь во время сна и сеансов биотерапии (в просторечии процедур). Завтрак подавался в апартаменты, обедали и ужинали в греческих тавернах, рыбных ресторанчиках, русских пельменных, грузинских шашлычных, итальянских пиццериях и турецких кофейнях. Были даже английские пабы.

Через неделю пациенты забывали о том, что они пациенты. Через месяц разговоры сидящих за соседними столиками людей их не раздражали, а через два месяца они искали компанию, без которой в квази-игры не поиграешь. И удивлялись, что без компании им скучно, а пиво вкуснее, если пьёшь его с друзьями.

Тропические циклоны – обычное явление на острове – наблюдали со смотровых площадок. В хорошую погоду отводили душу на пляжах с чёрным песком (вулканический туф) и сапфирово-синей водой. Любители побродить по горам совершали восхождения на 474-метровую карстовую Тапочау и не столь высокую Ачугао. Последняя являлась остатком вулканического конуса эпохи эоцена и изобиловала древними окаменелостями. Пациенты из разряда экстремалов предпочитали восточную сторону острова. Её полукольцом охватывал риф, за которым начинался спуск в Марианскую впадину.

Родственники к больным не допускались.

Эксперименты Волокушина сослужили ему плохую службу. Говорили, что он опасный псих. Что профессорское звание и известная всей планете клиника куплены им за его миллиарды. Что его эксперименты над людьми надо объявить вне закона, а самого Дмитрия Волокушина... (вариантов несколько, подробности опустим).

Между тем очередь из желающих лечь в клинику не уменьшалась, а «эксперименты над людьми» стоили очень недёшево. Попастись в клинику было сложно (исключая звездолётчиков, для которых она и предназначалась). Но волокушинские пациенты покидали клинику здоровыми. Точнее, совершенно другими. Их способностям аплодировали, их обаянию удивлялись, их изворотливости и финансовому чутью в мире бизнеса завидовали по-чёрному.

Когнитивный диссонанс

Реабилитационная клиника, которую в народе называли «Волокушинская дача», имела территорию размером 115,38 квадратных километров и миллиардные обороты. В неприбыльные моменты «опасный псих» не вкладывался

Дмитрий Волокушин, член Международной академии психологических наук и автор скандально известной теории, начал свою профессиональную деятельность с того, что публично отмахнулся от существующих научных направлений в психологии и психоаналитике, и выдвинул идею, которую учёные не приняли. Кто же всерьёз поверит в связь между характеристиками личности и физическим самочувствием?

В действительности же так называемая новая реальность, с которой имели дело звёздные экспедиции и дальняя косморазведка, вызвала у людей запредельный внутренний дискомфорт. И как следствие, психологическую разбалансировку личности. Из всех способов психологической защиты автоматически срабатывала защита через агрессию, то есть нападение на источник информации.

Космолётчиков, которые возвращались со звёзд с изменённым сознанием, не желая делиться приобретённым опытом (всё равно не поверят, объявят сумасшедшим), к полётам не допускали, игнорируя тот самый опыт. Волокушин смело заявил, что возникающий у звездолётчиков когнитивный диссонанс – то есть конфликт стереотипов и понятий, присутствующих в человеческом сознании, с новой реальностью – не является симптомом психического заболевания. Для звездолётчика это нормальное состояние, хотя для обычного человека оно является стрессовым.

Волокушин переосмыслил стереотипы и создал свою теорию, основываясь на том, что и в третьем тысячелетии всё покупалось и всё продавалось, существовали тюрьмы и судебные ошибки, люди пили шампанское Дом Периньон и покупали часы в швейцарских салонах «ЛеЛокль», миллиарды вкладывались в развитие технологий, а компании ориентировались на конечного потребителя.

С «теоретиком» не хотелось соглашаться, но и возразить было нечего, поскольку всё это существовало, как существовал и журнал Forbes, в котором Волокушин с его триллионом долларов значился на первой странице.

Свою империю он выстроил на идее концентрации. Всего одна клиника, но какая! Остров, омываемый водами Тихого океана, предлагал пациентам апартаменты класса люкс на берегу океана, гольф-клуб, футбольный клуб, теннисные корты, яхты, конные прогулки, боулинг-павильоны, парки аттракционов и панорамные кинотеатры, которые местные шутники прозвали паранормальными – за потрясающее ощущение реальности. В перечень предоставляемых клиникой услуг входила машина с личным водителем, обучение дайвингу, серфингу и дельтапланеризму. Обучение было обязательным, вид спорта выбирал пациент. Лечение проходило по классу «всё включено», вот только назвать это лечением не поворачивался язык...

Что ещё? У Волокушина было странное хобби: дальний космос. Что касается самого миллиардера, его тошнило даже от вида вертящейся карусели.

Флэш крах

Дальняя косморазведка никогда не считалась прибыльной. Но в 1991 году Волокушин зачем-то подержал космокомпанию «Flying star» (англ.: летящая звезда), прогоревшую на четырёх последних экспедициях. Три корабля исчезли бесследно вместе с экипажем и вложенными в них миллиардами долларов. Такое случалось и раньше, *a la guerre comme a la guerre*, но чтобы – три подряд...

Четвёртый, пассажирский дальник «Бенетнаш», вернулся из системы 40 Эридана с сошедшим с ума экипажем. Сумасшествие заключалось в том, что все ненавидели капитана лютой ненавистью, называя чудовищем, и все как один изъявили желание сменить профессию. «Flying star» не получила никакой информации: навигационный лист был тщательно стёрт, жёсткий диск расплавлен и не подлежал восстановлению, а экипаж звездолёта молчал, как в рот воды набрали.

Судьба экипажа была решена: их всех ждали земные профессии, космос закрыт для них навсегда. Волокушин отпустил их из клиники через две недели, заявив, что все они вменяемы и адекватны, а желание сменить род занятий в медицинской практике не является отступлением от нормы. Увы, он не мог сказать этого о капитане, который был согласен с мнением экипажа и жёстко настаивал на эвтаназии. Олегу Бабанину предстояло длительное лечение. Он непрерывно бормотал что-то насчет имён кораблей, которые предрекают несчастья... Замолкал он только после укола снотворного. Но и во сне видел, как вспыхивали и сгорали колонисты, которым он обещал рай на Инте Игрек Эридана. Ручейки огня разливались по корпусу звездолёта, прожигая платизоловую обшивку, которая выдерживала температуру Солнца, а сейчас таяла как пломбир в стаканчике. Яростный огонь Инты Игрек просачивался в вакуумные швы, вгрызался в платизоловую плоть, превращая высокоточные приборы в подтаявшие островки металла.

В 1993 году фондовый индекс «Flying star» за очень короткий интервал времени обвалился более чем на 1500 пунктов, продемонстрировав рекордное падение котировок за всю историю. Волокушин воспользовался flash crash ("мгновенный обвал") и выкупил контрольный пакет акций компании. «Flying star», теперь уже falling star (англ.: падающая звезда), прекратила бы своё существование, если бы не Волокушин с его миллиардами. Практикующий врач, академик, он разбирался в звездоплавании и астрономии на уровне школьника. Зато в человеческой психологии – разбирался как бог. И верил в теорию вероятности: после четырёх сокрушительных финансовых обвалов вероятность пятого была минимальна.

Волокушину принадлежало семьдесят процентов акций. Иными словами, он купил «Flying star» с потрохами. Крах ведущей космокомпания планеты откладывался на неопределённый срок. Миллиардер начал с того, что приостановил финансирование дальних экспедиций и поставил на поток строительство транспортников-беспилотников класса «ДИ», которые в корпорации прозвали детскими игрушками. «Игрушки» обходились «Flying Star» в разорительную сумму, но компанией рулил Волокушин. Он упразднил совет директоров и из двадцати человек оставил четверых, которые именовались помощниками управляющего. Остальным он великодушно объявил, что выкупит акции «Flying Star» у всех желающих. За наличные. Хоть сейчас.

Желающих, однако, не нашлось. Хотя у сотрудников сложилось впечатление, что управляющий компанией впал в детство и играет в самолётики: два беспилотника, пущенные в дальний космос «умелой рукой» доктора психологических наук, исчезли без следа, как не были. Третий столкнулся с кометой и сгорел. Зрелище наблюдало всё северное полушарие. Зато четвёртый... приволок на земную орбиту астероид, неведомо откуда прилетевший в Солнечную систему и ставший добычей «Волокушин стар», как за глаза называли космокомпанию.

Астероид диаметром четыре километра не имел в составе ни воды, ни углерода и состоял из золота и платины. Транспортник класса «ДИ» гнал его к Земле, как хозяйка загоняет в хлев упрямую корову, а хворостиной служили магнитные поля.

Возможно, планетка была осколком звездолёта из неведомой галактики. Возможно, просто космическим мусором, выброшенным этим самым звездолётом за ненадобностью. Но для Земли она оказалась бесценным подарком: полмиллиона кубокилометров уникального сплава. Исследователи из американской Sandia National Laboratories охарактеризовали плазол как самый прочный материал, когда-либо созданный в лабораториях мира. По предварительным оценкам, сплав из платины и золота был в сто раз более износостойким, чем титанитовая сталь. Если из такого сплава изготовить обшивку звездолёта, она будет изнашиваться на один атомный слой за космическую милю (прим.: космическая миля = один парсек = 30, 8568 триллионов километров).

Астероид решено было целиком пустить на строительство кораблей, в частности, на покрытие корпусов. Это сохраняло действующий финансовый баланс планеты (в третьем тысячелетии денежным эквивалентом по-прежнему оставалось золото). Синтез платины стал обычным, как получение легированных сталей. Масса звездолёта не имела значения, как и масса перевозимых грузов. А Волокушин возглавил список журнала Forbes.

Часть 3. В ожидании неприятностей

Бортовой дневник

За три недели, прошедшие после старта, на «Сайпане» не возникло ситуаций из разряда тех, что следовало фиксировать в дневнике. То есть никаких эксцессов. Андрей оценил «подарок» Волокушина. Согласно действующей инструкции ОФК (Общепланетная Федерация космоплавания), корабль-дальник вели капитан и два штурмана. Восьмичасовая вахта выматывает вконец, если не верите, спросите у любого штурмана. Так что полёт проходил в основном на автопилоте.

На «Сайпане» штурманов трое, с капитаном четверо, с космомехаником (незаконченный штурманский факультет Космоакадемии, класс мастерства «D») пятеро. Последнему Балабанов строго запретил «крутить баранку», остальные были не столь категоричны и время от времени разрешали механику порулить. Автопилотажем практически не пользовались, и как следствие, траектория полёта была максимально выверена, а поправки вносились на ходу. По расчетам Андрея выходило, что до Прочиона Эльгомайзы они долетят месяцев через пять или даже через четыре.

Шесть часов в капитанской рубке и восемнадцать часов абсолютной свободы – о таком подарке космонавигаторы не мечтали. Свобода выражалась в том, что штурманов не привлекали к колотухе (на жаргоне космолётчиков любая работа на корабле, кроме штурманской вахты). Хотя добровольная помощь приветствовалась, особенно после того, как сломалась картофелечистка.

Команда празднично шаталась по кораблю, исследуя, по определению астрофизика, пространственно-временной континуум, в котором им, по определению третьего штурмана, предстояло ишачить полгода.

Континуум – ограниченное множество, обладающее известным свойством непрерывности – применительно к группе людей понятие многообещающее. Особенно если пространственно-временная среда не меняется, что при скорости, в тридцать раз превышающей световую, воспринимается как фатальная ошибка природы. Как издёвка. Зоопарк, где клетка одна на всех, а дрессировщик заперт вместе с экипажем.

Андрей представил себя с хлыстом и огнетушителем и нервно рассмеялся. Первым, на чью голову обрушился бы огнетушитель, был бы...

А действительно, кто?

С момента старта прошли три недели, а в раритетном дневнике не появилось ни одной записи. Экипаж вёл себя образцово-показательно. Впрочем, скорее показательно. Как выразился бы Волокушин, все с увлечением транслировали в пространственно-временной континуум «Я-передачу». В переводе на русский это презентация социально желательного «Я-образа». По определению космомеханика, развешивание по ушам лапши.

За три недели на корабле всё было осмотрено и опробовано. И как догадывался Андрей, начало слегка надоедать. Скоро – надоест основательно, и тогда они возьмутся друг за друга. Уложить бы всех в гипнокамеры, и дрыхли бы до самой Эльгомайзы... Нет, пожалуй, врача надо оставить. И девчонок, Кэли и Леону. Кто же их всех будет кормить? Андрей поймал себя на мысли, что привык к затейливой кухне, опять-таки не предусмотренной инструкцией. Но предусмотренной Волокушиным.

Тогда уж и Катеринку надо оставить бодрствовать, с её «лечебной физкультурой», как шуточно называли тренажёрный отсек члены экипажа. И биолога с его изящными шахматными

эндшпилями... Литовец явно обладал плановым мышлением. А Андрей в шахматы играть так и не научился. Какой из него дрессировщик...

Дрессировщиком был Волокушин. В зверинец... то есть, в пространственно-временной континуум «Сайпана» он, как легендарный Ной, поместил каждой твари по паре и отправил в дальний космос. Андрей был таким же участником эксперимента, как остальные.

Список экипажа он дополнил личностными характеристиками, звучавшими примерно так: Джеймс Кендал, двухметровый харизматичный африканец. Студент-недоучка Мишенька Перевозчиков. Невменяемый псих Золтовски с манерами польского аристократа. Катерина Ветинская, спортсменка со взглядом насмерть перепуганной крольчихи, ненавидящая мужчин (а заодно и женщин, любящих мужчин). Преснятина Кислова, девушка неопределённого возраста с тяжёлым характером. Персонаж еврейского анекдота Сёма Рабинович. Юозас Киндзюлис, заядлый шахматист, с которым никто не хотел играть, потому что он всех обыгрывал. Вечно голодный Петюня Коржик, полностью соответствующий своей фамилии. Трепло и бабник Берни Барнз, которого с лёгкой руки Петюни прозвали медвежонком Барни. Японец Риото Ита, непроходимый как можайские болота. Якут Бэрген Тимирдэев, страстный любитель поспать. Ему бы в берлогу, а не на космический дальник класса ЭУ.

Закончив писать, Андрей улыбнулся. Когнитивный компонент (Волокушин говорил «компонента») – компонента демонстрировалась открыто и помпезно.

Второй и четвёртый штурманы были космонавигаторами, третий штурман имел незаконченное высшее по ксенозоологии и класс «В» (если бы закончил, получил бы класс «А»)

Катерина Ветинская окончила Академию физической культуры и спорта, Ботаническую Академию (заочно) и двухгодичные курсы психологии по специальности детский психолог. Поскольку детей на «Сайпане» не было, Ветинская отвечала за физическую форму экипажа и за оранжерею (четыреста квадратных метров «посевных площадей» спасут их от пищевого расстройства, которое экипаж заимел бы, полгода питаясь лапшой «Доширак»).

Громкая должность оператора систем жизнеобеспечения расшифровывалась как повар-кулинар, а операторы боевых машин в прошлом были профессиональными убийцами: занимались истреблением агрессивной фауны на планетах класса «Х». Последнее немного напрягало. Фауна понятие растяжимое, далёких предков человека – питекантропов и неандертальцев – высокоразвитые инопланетяне запросто окрестили бы агрессивной фауной, это как пить дать...

Андрей заставил себя думать о хорошем, как когда-то в космошколе, когда ему было совсем хреново. Это здорово помогало. Поможет и сейчас.

На шестерых, с классом «А» можно положиться как на самого себя. Знания и профессиональные навыки остальных не вызывали сомнений: не таким был Волокушин, чтобы набрать команду из недоучек. Но что-то не давало Андрею покоя. Внутренний голос, который никогда его не обманывал, занудно верещал, убеждая, что скелет в шкафу есть у каждого из тринадцати. Дверца шкафа откроется при самых неподходящих обстоятельствах, и тогда их будет уже двадцать шесть. Двадцать шесть против одного.

Скелеты в шкафу. Андрей Балабанов

Так было на Инте Игрек в системе 40 Эридана, когда против Олега Бабанина выступил весь экипаж – который Олег, то есть Андрей, спас, и за это его возненавидели. Благими намерениями вымощена дорога в ад. Он вытащил их из ада Инты Игрек, а они запихнули его в ад на Земле.

Неверие в самого себя – самое страшное для космолётчика. Уж лучше наглость и апломб, придающие уверенность. Андрей наглецом не был и оценивал себя объективно. Экипаж «Сайпана» не знал, что он тот самый Олег Бабанин, исчезнувший со страниц прессы и, пожалуй, с лица Земли. К новому имени он привык неожиданно быстро – стремясь избавиться от прошлого, сбросить старую шкуру, как это делает змея, и жить дальше.

Хирургическая пластика лица и полгода в клинике «За гранью», где каждую ночь он просыпался в липком поту, терзаемый кошмаром Инты Игрек. Кошмар не отпускал, потому что был реален. Андрей видел его своими глазами. И не смог ничего сделать. И не мог забыть.

В волокушинской клинике с ним работала команда врачей: психотерапевты, психоневрологи, и космики. Волокушин лечил его за свои собственные деньги, потому что Олег Бабанин был уникален. Он принимал нестандартные решения, верные в девяноста девяти процентах из ста. Он мог работать с любой командой, то есть был прирождённым лидером. Он умел получить результат, даже если проблема была из разряда не решаемых.

Но на старуху бывает проруха. Инта Игрек. Тот самый пресловутый один процент.

Из депрессии Олега вытаскивали полгода. И вытащили, заблокировав память. Он помнил только название, от которого веяло смертью. Инта Игрек. На планете с земной атмосферой, почти земным тяготением, земным солёным океаном и двумя вполне земными материками – на планете земного типа случилось что-то выходящее за рамки человеческого понимания (Андрей не помнил – что),

Ещё он помнил, что сумел поднять корабль с поверхности планеты, искусно притворившейся земной, и дотянул его, с наполовину расплавленным корпусом, до Солнечной системы.

В ожидании неприятностей

Звездолёт класса дальний экстра универсал представлял собой огненный шар, на поверхности которого бушевало тысячеградусное пламя: двигатель располагался снаружи, обтекая корабль со всех сторон. Плазоловая обшивка защищала корпус от механических повреждений (метеоритных потоков), а жаропрочный сплав толщиной в несколько метров выдерживал четыре с половиной тысячи градусов Цельсия. «Жилые отсеки» находились внутри, под надёжной защитой магнитных полей.

Поднявшись на планетарных двигателях в верхние слои атмосферы, «Сайпан» включил гравиполе и удалялся от Солнечной системы со скоростью, в двадцать шесть раз превышающей световую. На Эльгомайзу они прилетят максимум через полгода, а если повезёт, месяцев через пять. На земле за это время пройдёт пять лет. И столько же обратно. Так что они ещё успеют встретиться с друзьями и родными, постаревшими на десять лет, но вполне узнаваемыми. Только Андрея никто не ждёт, кроме Димки.

Ожидание неприятностей пришло сразу после старта и комфортно устроилось внутри. Держало в тонусе, как сказал бы Волокушин, если бы он здесь был. Но Волокушин остался на Земле, а «Сайпан» удалялся от неё со скоростью 7800000 километров в секунду, в двадцать шесть раз превышающей скорость света.

Единственным средством общения с другом был для Андрея дневник. Список экипажа – четырнадцать коротких строчек – теперь звучал по-другому. Закрывшись на ключ, Андрей грыз хвостик раритетной ручки, пытаясь облечь впечатления в слова. Впечатления взбрыкивали и возмущённо сопели. Как подозревал Андрей, каждый член экипажа это ходячая экстремальная ситуация.

Астрофизик Надежда Кислова по кличке Кислота всё свободное время проводила за вычислениями, возводя в блокноте пирамиды из формул. На мужчин она смотрела отсутствующим взглядом (Берни говорил, потусторонним), от которого веяло холодом. Вся в себе. «Может, она аутичка? Аутист, то есть» – предположил Юозас, и был как никогда близок к истине. «Аутичка» имела докторскую степень в астрофизике и кандидатскую в ксенозоологии, и ничуть не интересовалась хомо сапиенсами.

Биолог Юозас Киндзюлис, веган с повадками австралийского ленивца, кличка Ботаник. Юозасом его звал один капитан, остальные предпочитали короткое Юз. Андрея угораздило спросить, не обижает ли Юозаса такое сокращение его имени, на что биолог снисходительно улыбнулся и ответил, что правильно произносить литовские имена может только литовец. Андрей подавился вопросом. Юозас остался невозмутимым, но в глазах мелькнул металлический блеск, и капитан «Сайпана», обладающий звериным чутьём на неприятности, понял, что терпению литовца когда-нибудь наступит конец.

Механик Семен Рабинович, фамилия русскоговорящая, способности исключительные. Единственный на «Сайпане» не имел клички: Рабинович везде Рабинович. Осматривая двигательный и генераторный отсеки, Сёма сокрушённо вздыхал. А на каверзный вопрос «Долетим ли?» неизменно отвечал: «Туда – точно долетим, я вам обещаю. А может, даже обратно вернёмся. Может, я даже обниму мою тётю, двоюродную сестру жены маминого первого мужа. Если она позволит. Если Рита простит мне такой безответственный поступок, как полёт на этот собачий Прочион. Мы здесь дурью маемся, и бог даст, так будет ещё долго, а тётя Рита переживает».

Подшучивание над Сёмой стало для экипажа обычным, как утренняя чашка кофе (Волокушин снабдил кают-кафе тремя кофемашинами, запаса кофе хватило бы на несколько лет). Рабинович флегматично изрекал: «Я понимаю, тут все шибко грамотные, а Сёма таки мимо проходил, Сёма в астрономии как свинья в апельсинах, на «Сайпане» по протекции. Смеяться

не надо, я не закончил. Так вот. Если вы думаете, что свинья не любит апельсины, вы сильно ошибаетесь. Она таки отличит их от груш, даже если зажмурится. А если вы думаете, что Сёма смыслит только в механизмах и не смыслит в людях, таки можете продолжать думать. Видели бы вы свои рожи, на них же всё плакатным шрифтом написано... Все идиотские глупости, которые вам не терпится сказать».

Корабельный врач, Джеймс Кендал (кличка Джимми), невыдержанный взрывной африканец с американским гражданством. Андрей видел его несколько раз по телевизору, и никогда вживую. Знаменитость, которой не было равных в медицине, Кендал вытаскивал своих пациентов с того света. Диагноз не имел значения: кома, онкология, бруцеллёз, сочетанные травмы черепа, оскольчатые переломы позвоночника.

Напрягал один факт: все, кто объявлял Кендала мошенником, обманом завладевшим медицинским дипломом, – очень скоро умирали.

Инженер-навигатор Лех Золтовски (кличка лях), невменяемый псих, отвечающий к тому же за радиосвязь, разражался отборной руганью на трёх языках, когда его, хохмы ради, просили поискать в космическом эфире ненавязчивую музыку. Шуток Лех не понимал. Знакомство с экипажем он начал с того, что с размаху двинул в зубы Бэргэну, который назвал его ляхом. Лях – презрительная кличка поляков, образованная от имени легендарного родоначальника западнославянских племён – Лех, ставшего нарицательным существительным. Но откуда Бэргену это знать? Он думал, что лях это имя, Лях Золтовский.

Поднявшись с пола, Бэргэн достал якутский охотничий нож, с которым не расставался, и пошёл на Золтовского как на медведя, звериной скользкой поступью. Кто-то включил зиполе. Зелёные солнечные зайчики затанцевали в воздухе и, безошибочно найдя цель, посыпались на дерущихся зелёными горошинами, сливаясь в кисельно дрожащее зелёное марево. Зиполе звездолётчики прозвали зелёнкой. Обоих фигурантов вжало в пол продолжительной перегрузкой 5 g, и теперь они могли только лежать и тяжело дышать, под громкий хохот остальных.

Оператор боевого оружия Риото Ита (по-японски имя означает – крепкий, сильный), из всех видов боевого оружия предпочитал лазерный гранатомёт, обладающий большой зоной покрытия. Одинаково владел лазертагом и энерплазом. Кличку Рио-Рита японец терпел, но не откликался.

Оператор боевого оружия Бэргэн Тимирдэев (имя переводится с якутского как меткий, фамилия переводится как железный, Тимирдэй имя его отца). Кличка Медведь.

Биолог и эти двое были интровертами, в отличие от остальных членов экипажа. Говоря человеческим языком, молчальниками. Но если экстраверту нужна чужая энергия (затем он и тянется к общению, старается быть в центре событий, подпитываясь из внешней среды), то интроверт самодостаточен и берет энергию от самого себя.

Последний член экипажа вызывал у Андрея чувство досады. Михаил Перевозчиков, кличка Мишенька, оператор видеосъёмки и недоучившийся режиссёр, видел в жизни лишь одну достойную цель: попутешествовать и поснимать. Мишенькины снимки собирали рекордное количество зрителей в ведущих фотогалереях мира, а его невероятных ракурсов не мог повторить никто.

Мишенька

Волокушин нашел Мишеньку на сценарном факультете ВГИКа, поместив у дверей деканата объявление следующего содержания:

«Уже сейчас вы можете получить лучшую в мире работу. Компании «Flying Star» нужен зависимый от адреналина любитель приключений, который обладает уникальной способностью запечатлеть момент и по возвращении снять фильм о своём путешествии. Гарантий возвращения из поездки нет, длительность – десять земных лет, по корабельному времени – год, зарплата 3600 долларов в неделю. Приветствуется феерическая взрывная короткометражка, как вариант – полноэкранный художественный фильм».

Кандидатов набралось немного: студенты сочли объявление удачной шуткой. Из пятерых явившихся на собеседование трое, услышав, что поездка на самом деле не поездка, а полёт, и не куда-нибудь на острова Карибского бассейна, а к неизвестной звезде, – сочли объявление розыгрышем. Впрочем, они не обиделись. И сказав психологу что-то вроде «реально круто» и «такой ваше прикол», ушли, хихикая и крутя пальцем у виска. Четвертый кандидат назвал доктора психологических наук и главврача клиники «За гранью» аферистом и заявил, что не позволит над собой так шутить и сообщит о шарлатане в деканат. Выудив из кармана смартфон, внёс фамилию «шарлатана» в записную книжку, презрительно улыбнулся (занятия на сценическом факультете не пропали даром) и оглушительно хлопнул дверью.

Щёки «афериста» и по совместительству доктора наук приняли бурачный оттенок, а уши горели огнём, словно их надрали не виртуально, как это сделали четверо предполагаемых кандидатов, а в буквальном смысле. Воровато оглянувшись на дверь, Волокушин выудил из кармана пиджака носовой платок. И услышал смешок. Самый настоящий, издевательский. Пятый кандидат давился смехом и не мог остановиться. Выговорив что-то вроде «Блин, ни фига... Извини... те», он хохотал уже в открытую, хлопая себя по коленям и тряся белобрысой башкой. Мультимиллиардер не смог удержаться, захохотал неожиданным басом, вытирая слёзы тем самым носовым платком (вот и пригодился) и в заключение чихнул и громко высморкался, что вызвало у студента новый взрыв смеха.

Миша Перевозчиков был внесен в списки экипажа последним. Балбес и разгильдяй, он обладал удивительной способностью находить сногшибательные ракурсы и делать великолепные снимки, и самое главное, появиться в нужный момент, со своей неизменной спутницей – дальномерной камерой «Fuji Y». Цифровая кинокамера имела полноформатный сенсор и стоила заоблачно. Экипаж недоумевал: откуда у студента-первокурсника элитная имиджевая вещь? «Fuji Y» – видеокамера высокого разрешения, со светочувствительными с CMOS-матрицами, позволяющими обходиться полностью без киноплёнки, от съёмки исходного материала до демонстрации на экране. С полученного такой кинокамерой цифрового фильма возможна печать фильмокопий.

О камере Перевозчиков рассказывал с горящими глазами и уверял что дальномерку ему подарили. Ему никто не верил. Впрочем, Мишенька в «единоверцах» не нуждался. «Мы с ней такого наснимаем... Планета вздрогнет!». О том, что камера – подарок Волокушина, Мишенька молчал. Как и о собеседовании, на котором мультимиллиардера назвали аферистом и идиотом.

Перевозчиков (дал же бог фамилию) возникал из ниоткуда, словно просачиваясь сквозь двери, и снимал, снимал, снимал... А потом уходил в свою каюту и писал сценарий будущего фильма. Его увидит весь мир. И – вздрогнет.

К счастью для него, Мишенька не знал, что ему предстоит увидеть и от чего вздрогнет мир.

Гражданин США

Неприятности на корабле начались именно с Мишеньки, который до крови разбил нос, налетев с размаху на закрывшуюся перед ним переборку: парень шёл не отрываясь от камеры и не увидел предупреждающего знака. Автоматика сработала за долю секунды до того, как Мишенькин нос сунулся куда не следовало.

Когда он, в слезах и в соплях, ввалился в каюту Кендала, у врача опустились руки...

Джеймс Кендал вытаскивал своих пациентов с того света, собирая по кусочкам черепа и позвонки, а потом как господь бог вдыхал в «несовместимое с жизнью» тело – эту самую жизнь. Делал он это буквально: нависая над пациентом двадцатипятифунтовой мускулистой тушей и бормоча невнятицу на африканском диалекте. С больным ничего не происходило, но через два часа на его лицо возвращались краски, а мёртвые глаза... открывались и осмысленно смотрели на мир

Коллеги Кендала, утверждали, что бесконтактное воздействие на пациента ощущалось ими реально: у тех, кто стоял рядом, начинало шуметь в голове и покалывало кожу, как от слабого электрического разряда. Все же остальные, находящиеся в помещении, испытывали необъяснимое ощущение чужого присутствия.

Про Джеймса Кендала ходили легенды. Сказать точнее, рассказы. Он происходил из племени имо древнего афро-карибского рода, в котором из поколения в поколение практиковали религию вуду. «Потомственный колдун» имел, однако, высшее медицинское образование и на все вопросы молча пожимал здоровенными плечищами: понимай как хочешь.

Для обывателя вуду – это ритуальные обрядовые танцы и куклы-тотемы, в которых цивилизованный человек не поверит. На самом деле вуду не просто древняя религия, это ещё и магия, причем в самых опасных её проявлениях, включая смертельные проклятия и создание зомби. Куклу вуду не может изготовить простой человек, это прерогатива исключительно жрецов, и напрямую зависит от уровня их мастерства. Колдуны первых трёх уровней могут общаться с духами умерших, делать любовный приворот. К ритуалам четвертого уровня относится техника оглушения противника. Пятый уровень мастерства даёт возможность создавать зомби – именно этот ритуал сделал магию вуду всемирно известной. И только колдун высшего уровня владеет умением изготавливать куклу и, прокалывая её иглами, причинять страдания своему врагу.

Что бы там ни было, Джеймс Кендал являлся гражданином США, окончил University of Pennsylvania, не имел докторской степени, зато имел скандальную известность. Лечение у него стоило невероятно дорого: он делился с пациентами жизнью, отдавая кусочек себя.

Со своими больными Кендал не проводил никаких ритуалов, и тем более не тыкал иглами в глиняных куколок. Он никогда и никому не причинял зла. Он лечил – странными, нетрадиционными способами, но все его больные, даже безнадежные, выздоравливали.

И совсем уж невероятным фактом стала дружба африканца с вгиковцем, которого он называл Миса, выговаривая русское имя с неподражаемым акцентом племени имо. Мишенька называл Кендала Джимми и уговорил-таки по возвращении на Землю взять его с собой в Кению, где Перевозчиков собирался снимать фильм о племени имо.

Глядя на этих двоих, Андрей думал о том, что – будь у него такой друг, ему не пришлось бы так мучиться, когда «Бенетнаш» покидал негостеприимную Инту-Игрек.

Часть 4. Изгой

Язычники

Планету нашли у звезды Инта Игрек в шестнадцати световых годах от Земли, в созвездии тройной системы 40 Эрида. Инта Игрек, жёлтый карлик на шесть процентов тяжелее Солнца, имеет десятилетний магнитный цикл, подобный одиннадцатилетнему солнечному циклу. Вокруг звезды крутятся восемь планет, одна из которых находится в пределах обитаемой зоны и делает один оборот вокруг звезды за сорок два года.

Звездолёт дальней косморазведки вернулся с Инты Игрек с самыми обнадеживающими сведениями. Планета радиусом чуть меньше Земли получила имя Дионисия. Она имела кислородную атмосферу, постоянную температуру 22°C и два материка, каждый размером с Австралию. Световой поток составлял 75% солнечного, тем не менее оба материка были пригодны для земледелия, в океанах водилось превеликое множество рыб и беспозвоночных, а обилие плодовых деревьев свидетельствовало о плодородии почвы. Планету решено было отдать переселенцам – секте аграриев, предпочитавшим натуральное ведение хозяйства и остававшимся душой и разумом во втором тысячелетии, точнее, в самом его начале. На Земле им не могли такого позволить, слишком много понадобится земельных угодий. А на Дионисии в их распоряжении вся планета. Аграрии подумали, поскребли в затылке и согласились.

А что им оставалось?

Третируемые обществом, заклеянные унижительным словом секта, язычники выбрали единственно возможный путь: изолироваться полностью и жить среди себе подобных.

Если бы отношение к ним было более человеческим, если бы им предоставили необходимую территорию, доступ на которую был разумно ограничен для остальных, если бы их поняли и согласились с тем, что они имеют право жить как привыкли...

Ни одно из этих «если бы» не утратило сослагательного наклонения: население Земли росло, свободных территорий с каждым столетием становилось всё меньше, и они были отданы под заповедники и национальные парки, доступные для посещения всем желающим.

Поселить здесь аграриев? Они от души поблагодарят и вознесут молитву небесам. После чего (с благословения Хорса, олицетворённого солнца, и Семаргла, вестника между земным и небесным мирами) выкорчуют заповедную тайгу, раскинут сети в озёрах, распашут землю под поля и будут жить, плодясь и множась как кролики. Им понадобятся новые территории, аграрии умеют мягко настоять на своём... Этого допустить нельзя, это не в интересах Земли.

«В интересах Земли» было избавиться от кучки сумасшедших. Аграриям предоставили звездолёт с анабиозным залом на шестьсот мест, предоставили всё, на чем они настаивали и о чём робко просили... Лишь бы они убралась с Земли, пусть живут как хотят. Если бы их не поставили в положение изгоев, они бы не улетели на Инту Игрек. Не погибли бы там. Так кто же виноват? Бог? Или всё-таки люди, нетерпимые к чужой древней вере и вынудившие аграриев улететь?

Из размышлений Андрея выдернул визг, дпящийся на невыносимо колоратурном сопрано. Господь всемогущий, если ты есть, дай мне терпения! – взмолился неверующий Андрей и поспешил к месту событий, зажимая уши ладонями.

Не надо так кричать

Сориентировавшись, он понял, что звук шёл из тренажерного отсека. Катерина Ветинская, визжащая как сверло на высоких оборотах, висела на шведской стенке и не собиралась оттуда слезать. На полу сидел невозмутимый Юозас и бормотал что-то вроде: «Не надо так кричать, я её уже поймал». Из сложенных ковшиком ладоней биолога выглядывал полосатый зверёк с блестящими бусинами глаз.

– Это... что... такое? – Андрей понял, что его никто не слышит, и заорал, перекрывая истошный визг: – инструктор Ветинская, потрудитесь объяснить, что тут происходит. И заткнитесь наконец!

Последнее возымело действие: визг прекратился. Тренажёрный отсек накрыла оглушающая тишина. Вцепившись пальцами в деревянные рейки, Катеринка пыталась говорить – прерывающимся голосом, в котором возмущение смешивалось с растерянностью и обидой. Говорить получалось плохо, Катеринка всхлипнула и замолчала. На шею Андрея что-то капнуло, он задрал голову и увидел залитое слезами Катерино лицо...

Физкультурницу довели до истерики. И кто?! Молчаливый, всегда спокойный биолог, у которого вместо мозгов травка зеленеет, солнышко блестит?

Сообразив, что с Катериной говорить бесполезно, Андрей вопросительно уставился на биолога. Тот покивал, подтверждая, что – да, виноват. Но объяснять ничего не стал, сидел, поглаживая зверушку, уютно устроившуюся в его ладонях и тоже, кажется, доведённую до истерики.

– Это... Это кто у тебя? – перешёл на ты Андрей, послав к чертям субординацию. – Хомяк, что ли? Откуда он тут взялся?!

– Это не он, это она. Девочка. А мальчик... где-то здесь. Так что вы не слезайте пока, посидите там, – попросил биолог Ветинскую, и она согласно закивала, что удивило Андрея ещё больше.

Между тем Юозас совершенно серьёзно продолжал «объяснять ситуацию»: Мальчика ещё найти надо. Испугался, спрятался куда-то, здесь тренажёров до фига, искать надо. Долго. Он не любит, когда... на него кричат. А она кричала, – биолог наставительно поднял вверх палец и указал на Ветинскую. Инструктор тренажерного зала и по совместительству дипломированный психолог кивнула, подтверждая.

Далее события развивались следующим образом: Катеринка висела на стенке, а капитан с биологом ползали по залу на четвереньках, исследуя закоулки и углы.

– Слушай... Он не кусается? – поинтересовался Андрей.

– Если его не пугать, не кусается. Они как люди, проявляют агрессию в ответ на агрессию индивидуума или социума, – объяснил капитану биолог. – Он сейчас в состоянии стресса, так что тяпнуть может сильно.

Наконец «мальчик» был аккуратно извлечён из-под педали степпера, где он нашёл себе убежище от орущей и визжащей реальности. Биолог со вздохом сунул его в жестяную круглую коробку из-под печенья, где уже сидела его подружка, и покинул помещение. Помогая Катеринке слезть со шведской стенки, Андрей подумал, что так и не спросил, за каким чёртом Юозас притащил на «Сайпан» эту парочку грызунов...

– Ты никогда хомяков не видела, что ли? – напустился он на Ветинскую.

– Я же не знала, что это хомяк. Я думала, мышь... может, даже крыса. Она меня за ногу... то есть, просто к ноге прикоснулась. Что-то такое пушистое и тёплое, и я испугалась, – оправдывалась Катеринка с красными от стыда щеками.

Скелеты в шкафу. Катеринка

Катеринка не выносила прикосновений. До отвращения, до дрожи, до стиснутых зубов. В свои двадцать девять она выглядела намного моложе, имела безукоризненную фигуру, прекрасный цвет лица, запоминающуюся внешность. И ни единого шанса на личную жизнь. За ней ухаживали, добиваясь её расположения, но как только мужчина брал её за руку или пытался поцеловать, на Катеринином лице читалось такое отвращение, что о дальнейших отношениях мог думать только полный идиот.

Неприятие близости с годами не проходило, не давало жить, не позволяло быть такой как все. Собственно, о какой близости речь? Катеринка до сих пор оставалась девственницей. И даже невинные знаки внимания, когда прижимали колено к её коленям, или просто держали за руку, или мягко касались волос, убирая пушистую прядку, – вызывали колючую неприязнь.

Неприязнь ей подарило детство. Мать прикасалась к ней лишь для того, чтобы одёрнуть платье или подтолкнуть в спину – когда, по её мнению, Катеринка шла слишком медленно. Потянуть за прядку волос, выбившуюся из косы. Отшлёпать, когда маленькая Катеринка не хотела спать и капризничала. Дёрнуть за руку – резко и больно, до хруста в плече, когда Катеринка открывала рот.

– Последи за своей речью, ты не просишь, а требуешь. Откуда этот тон? Ты не с подружкой разговариваешь.

Катеринка послушно «следила за речью», стараясь разговаривать максимально вежливо. И слышала в ответ:

– Ноет и ноет, всё ей не так и не этак, что за ребёнок такой? Неудивительно, что с тобой никто не дружит. Нет, ты не молчи, нормально скажи, что ты хочешь? Что ты всё время дёргаешься? Не можешь идти как нормальные дети! Носок сбился? Ботинок трёт? Уже давно? Так чего ж ты молчала, надо было сказать, а не ныть. Наказание, а не ребёнок...».

Мать усаживала Катеринку на скамейку, снимала с ноги ботиночек, разглядывала лопнувший волдырь на детской пятке. Ботинок немилосердно тёр ногу, но Катеринка терпела, потому что не хотела услышать, что у неё всё не так и что она вечно недовольна. Она довольна. Она потерпит. Ведь мама держит её за руку, в другой руке у Катеринки голубой воздушный шарик, а в волосах голубой пышный бант. Потому что сегодня воскресенье, и они идут в парк, есть мороженое, пить Катеринкин любимый крушон и кататься на карусели. И если посмотреть со стороны, Катеринка такая же девочка как все, а вовсе не размазня и нытик.

Нет, её никогда не били по-настоящему. Не всерьёз, а чтобы крепче помнила, говорила мать (Катеринке не хотелось думать, как будет всерьёз). Её не перегружали работой по дому (уборка квартиры не в счёт, с этим она справлялась).

После школы студия спортивной акробатики. У неё получалось хуже всех, потому что она панически боялась высоты, а перед глазами стояло лицо матери и слышался её недовольный голос: «Опять не можешь? Опять боишься? Ниже пола не упадёшь. Я такие деньги плачу за эту студию, а ты занимаешься как зря...».

После студии кружок английского. «Доставай тетрадку и читай, что вам там задали. Вслух читай! Что за акцент такой нижегородский? Я тебя спрашиваю! С таким произношением тебя не то что в Англии, тебя мартышки в джунглях не поймут!»

«У всех дети как дети, а моя...» – излюбленная тема разговора матери с подругами. Катеринка слушала, и в её пятилетней душе крепло чувство: она хуже всех. Была и будет. Неумеха, нескладёха, растеряха, растрёпа – прозвища въелись в память и жили там своей жизнью, вместе с убитой самооценкой и привычно печальным одиночеством.

Когда девочке исполнилось четырнадцать, мать занялась её подготовкой ко взрослой жизни. Сборник рассказов о венерических заболеваниях, изложенных в форме житейских

историй, случившихся с беспечными девушками и молодыми людьми, девочка проглотила за два дня, нашла у себя, в виде возрастных прыщей и увеличенных лимфоузлов, признаки всех упомянутых в сборнике заболеваний и втайне от матери заливалась слезами, ожидая неминуемого конца и не понимая, как она могла заразиться, если её даже за руку никто не держал...

Затем последовала чернуха «Они среди нас» об извращенцах и садистах, написанная, как подозревала Катеринкина мама, самими извращенцами, уж слишком реалистично. Ничего, девочке это полезно, будет вести себя осторожнее.

Эмоциональный шок стал для четырнадцатилетней Катеринки таким сильным, что она шарахалась от всех мужчин, проходящих мимо, и одевалась так, чтобы на неё никому не хотелось смотреть. Из её гардероба исчезли платья с цветочным принтом и короткие юбочки-плиссе. Теперь она носила длинные, в пол, коричневые или тёмно-синие. Мать пыталась бороться с «этим безобразием», но в конце концов смирилась. И безропотно покупала то, о чём просила дочь.

Английским Катеринка занималась, вставив в планшет голосовой диск и часами повторяя за носителем языка звуки, слова и фразы. Её терпению позавидовали бы буддистские монахи. Произношение было вполне терпимым. Но мать говорила обратное. Катеринка верила матери и не стала поступать в Иняз. Окончила Институт физкультуры и преподавала фитнес-классы в санаториях и домах отдыха, терпеливо занимаясь с пожилыми тётками и зажившими от чрезмерного аппетита девицами. Ещё она любила адреналиновые аттракционы – с ощущением непоправимости происходящего, дружными воплями «собратьев по несчастью» и размазанными по щекам слезами восторга. Катеринка орала вместе со всеми, так же как они отстёгивала страховочный ремень трясущимися пальцами, и улыбалась в ответ на улыбки. Она была такой как все, и эта передышка позволяла жить.

Волокушин нашёл её в захудалом профилактории в Волгоградской области и предложил работу «далеко от дома», как туманно выразился профессор медицины.

– Насколько далеко? Не в нашей области? А в какой?

– В области Проциона. В световых годах далековато, зато в парсеках близко, всего три с половиной. В твоём распоряжении навороченные тренажёры и благодарные ученики. Будут слушаться, обещаю. И отдельная каюта. И отличная кухня. А то, я смотрю, ты не любительница готовить, – улыбнулся Волокушин, и впервые за много лет Катеринка не обиделась на шутку. Три с половиной парсека. Надо бы посмотреть, сколько это в километрах. И что за город Процион, она о таком не слышала. Может быть, три парсека будут достаточным расстоянием, чтобы убежать от самой себя?

Убежать не получилось.

Парад планет

Прежде чем отправить на Дионисию переселенцев, компанией «Flying Star» были организованы ещё две развед-экспедиции. Поговорка «поспешишь – людей насмешишь» пережила не одно тысячелетие и не утратила актуальности.

Они не спешили. Команда дальней разведки провела на экзопланете полгода, после чего Дионисию официально признали пригодной для заселения.

Избавление от аграриев компания преподнесла как торжественное событие. Заголовки газет надрывались от крика: «Первые переселенцы четвёртого тысячелетия», «Новый виток космоплавания», «Посланцы Земли»...

«Flying Star» предоставила четыреста шестидесяти колонистам «Бенетнаш», экспедиционный грузо-пассажирский дальник на шестьсот гипнокамер, в оставшиеся сто сорок уложили животных. Аграрники взяли с собой семена злаковых и овощных культур, черенки малины и смородины, молодые деревца в питательном грунте и мульче из старых опилок (староверы не признавали неорганической химии). Кроме плодовых деревьев, они везли с собой молоденькие дубки, берёзки и липы. Без дубовых и берёзовых веников не попаришься в бане, а липовый цвет наипервейшее средство от простуды и от тысячи болезней, которыми аграрии мужественно собирались болеть на экзопланете (от медикаментов они отказались категорически). Ещё они взяли двадцать контейнеров желудей, без них не сварить настоящий кофе, а дубы – когда ещё вырастут...

Правительство Земли от себя преподнесло «отъезжающим» питательную органическую смесь для быстрого укоренения деревьев. От смеси староверы не отказались: а ну как не примутся деревца на чужой земле? И как тогда жить? Ещё они взяли с собой собак и кошек, лошадей и коров, коз и овец, домашнюю птицу... и даже выдр. Так что в планетарной туманности Инты Игрек скоро появятся ксеноморфы, шутили «провожающие» (прим.: ксеноморф – инопланетное существо, от греческого ксенос = гость, морфо = форма, вид)

Свою планету аграрии полюбили с первого взгляда, с первого вдоха. Воздух, насыщенный незнакомыми ароматами цветущих деревьев, напоминал экзотическое вино. Планета отвечала пришельцам благодарностью. Деревца принимались, пуская в чужую почву робкие корни и поднимаясь к чужому Солнцу нежно-розовой листвой. Почва, вспаханная с любовью и добрыми пожеланиями, дала щедрые всходы. Видит бог, это настоящий рай! — радовались поселенцы, своими руками сотворившие этот рай.

А потом случилось невозможное.

Парад планет, то есть их сближение, во время которого планеты находятся на одной прямой относительно Солнца, явление относительно редкое для Земли. Вследствие такого их расположения возникает мощное гравитационное воздействие планет на солнечные процессы, которое передаётся на Землю.

Малый парад планет 1306 года, когда Солнце, Меркурий, Венера и Сатурн выстроились в ряд, не уничтожил земную цивилизацию, но смертельно её напугал, показав всю мощь процессов, о которых человечество не имело представления. В 1306 году произошло землетрясение на юге Каспийского моря, в результате чего значительно поднялся уровень воды и часть прибрежной суши (нынешний Баку) вместе с Сабаиловским замком ушла под воду.

«Бенетнаш» опустилась на Дионисию 12 февраля 3008 года, в 14 часов 12 минут 11 секунд по земному времени. Для поселенцев возвели каркасные ангары, в которых можно было укрыться от ветра и дождя. Люди не жаловались, и даже дети стойко переносили временные неудобства. Через два месяца на облюбованном аграриями плоскогорье, пологими уступами спускающемся к океану, стоял посёлок из пенокерамзитовых двухэтажных домиков с солнечными батареями на плоских крышах. Две реки с родниково-прозрачной водой обнимали посё-

лок с двух сторон и, соединяясь в пойме, впадали в голубой океан. Чужое солнце грело всюду, радуясь своим неожиданным гостям. И только трава, алая как кровь, вызывала оторопь.

Ещё через месяц на полях густо поднялись всходы, в общинном саду розовели листвой молоденькие яблоньки и сливы (хлорофилл под солнцем Инты Игрек синтезировался алым). На западном краю посёлка располагалась общинная конюшня и скотный двор. И всю эту неземную благодать согревало щедрое солнце.

Дети носились босиком по алой траве, их родители вскапывали малиновую землю и сажали огороды... Коровы мычали, собаки лаяли, кошки ловили местных мышей. Из дальнего леса прилетели птицы с попугайским оперением и, к радости детей, обжили земные скворечники. В огородах появились вездесущие землеройки, а в палисадниках жужжали пчёлы, которым пришёлся по вкусу нектар земных цветов.

Староверы радовались детской незамутнённой радостью – чистой воде, плодородной земле и тёплому солнцу Дионисии. Никто всерьёз не задумался, почему на планете нет крупных животных.

Шёл последний месяц весны. Экипаж заканчивал демонтаж рабочих роботов. Пришло время прощаться. Поселенцам можно было позавидовать. Но не отпускало чувство вины.

От аграриев просто избавились, выпихнули на окраину вселенной, на задворки цивилизации... А ведь у них в каждой семье дети! Какими они вырастут? Скажут ли спасибо за то, что Земля отправила их на Инту Игрек, откуда им уже не вернуться? Хотят ли они такой судьбы? Взрослые ответили утвердительно, потому что их вынудили так ответить. Их сделали изгоями.

А их детям подарили планету. И они радовались подарку, светло и беззаботно: детство всегда остаётся детством, даже здесь, в староверческой общине, под чужим солнцем Инты Игрек.

Наступил день отлёта. Никто не мог предполагать, что Инта Игрек тоже приготовила землянам подарок.

Девушка-ребёнок

Капитан «Сайпана» сидел на полу вместе с уткнувшимся ему в плечо и тихо всхлипывающим инструктором тренажёрного зала. С Юозасом он разберётся позже, биолог никуда не денется. А вот с Ветинской определённо надо что-то делать, иначе её истерика перерастёт в психоз. На «Сайпане» психов хватает и без неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.